

ВЛАДИМИР КОЛГАНОВ

# ПАЛАТА №

18+

# Владимир Алексеевич Колганов

## Палата № Z

*[http://www.litres.ru/pages/biblio\\_book/?art=63267163](http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=63267163)*

*SelfPub; 2023*

*ISBN 978-5-532-99915-2*

### **Аннотация**

Это трагикомическая история о том, как шестерых интеллектуалов поместили под замок. Они находятся в достаточно комфортных условиях, обеспечены едой, но полностью изолированы от внешнего мира – ни интернета, ни телевидения, даже своих «тюремщиков» не слышат и не видят. И вот пытаются понять, почему здесь оказались и чего от них хотят. Возникают самые невероятные предположения – от чьей-то злой шутки до нашествия инопланетян. Временами под давлением обстоятельств они не в силах сдерживать эмоции и совершают странные поступки... Вроде бы всё заканчивается вполне благополучно. Но так ли это?

# Содержание

Пролог	4
Глава 1. День первый	7
Глава 2. Кто есть кто?	20
Глава 3. Исполнение желаний	27
Глава 4. День хуже некуда	34
Глава 5. Надежды и разочарования	44
Конец ознакомительного фрагмента.	51

# Владимир Колганов

## Палата № Z

### Пролог

– Послушайте, зачем это? Пустите! Куда вы меня тащите? Я не хочу!!!

В ответ молчание и только лязг открываемых дверей... Представьте себе человека, который оказался здесь помимо своей воли, и вот его ведут куда-то по тёмному коридору – то ли в комнату для допросов, то ли напрямую на операционный стол, чтобы разобрать на органы. Ну можно ли в этой ситуации сохранять спокойствие? А ведь всего лишь час назад сидел у себя дома на диване, жевал любимый «сникерс» и смотрел футбол. Потом позвонили в дверь, предъявили какую-то бумажку и, даже не дав переодеться, выволокли на улицу, запихнули в минивэн с тонированными стёклами, и вот он здесь.

Если стукнуть лбом об стену или хотя бы ущипнуть себя за ляжку, наверняка бы тут же избавился от наваждения. Однако держат так, что никакой надежды нет, то есть совсем не остаётся – только предчувствие беды и запах хлорки в бесконечно длинном коридоре.

Но вот втолкнули в кабинет. Некто в белом халате сидит

за столом, листает какие-то бумаги. Говорит, не поднимая головы:

– Присаживайтесь.

Сел, попытался придвинуть табурет к столу, но тот не дался – прикручен к полу намертво. Что ж, это кажется вполне разумным – судя по всему, разные посетители бывали в этой комнате. Иной только и думает о том, как бы приложить ведущего допрос. Такое желание понятно, поскольку все под богом ходим, а издеваться над невинным человеком не позволено ни этому, и никому другому, вне зависимости от заслуг перед Отечеством, учёных степеней и званий. Да будь хоть четырёхзвёздный генерал! А кстати...

– Позвольте спросить... С кем имею дело?

Вот поднял голову. Глядит, не мигая, словно бы удав осматривает будущую жертву, прикидывая, годится ли на ужин, или придётся подыскать что-то более съедобное.

– Так ведь дела-то пока что нет.

От сердца немного отлегло. Однако хотелось бы понять...

– Сейчас вас отведут туда, где будет возможность спокойно подумать обо всём, а позже мы снова с вами встретимся.

Позже – это когда? Через месяц, через год? И что значит – обо всём? О смысле жизни? Или придётся вспоминать всё от рождения до сегодняшнего дня, выискивая в прошлом малейшие отклонения от норм морали и правил общежития? Тогда уж точно не управиться до самого утра. А так хотелось бы проснуться дома, в своей постели и выкинуть напрочь из

головы этот кошмар и экзекутора в накрахмаленном халате.

Комната, куда привели, напоминала больничную палату. Вот только зарешёченные окна и стальная дверь наводили на мысль о заточении. Лёг на свободную кровать, закрыл глаза и сразу же куда-то провалился. То есть тело так и осталось под белой простынёй, а вот душа... Душа словно бы ухнула в загробный мир и так летела до самого утра, не переставая всхлипывать и жаловаться на проблемы бытия и козни супостатов и завистников.

# Глава 1. День первый

– Ну что ж, будем знакомиться?

Не успел открыть глаза, а эти тут как тут – их пятеро, смотрят с явным любопытством, не скрывая озабоченности. Неужто консилиум собрали? Но нет, одеты явно не по форме – байковые халаты мышиноного цвета, причём далеко не первой свежести, а на левой стороне груди вышит белой нитью символ Z, словно бы речь идёт о каком-то секретном подразделении спецназа.

Для начала надо бы умыться, однако этим невтерпёж – стоят над душой и ждут, когда выберусь из постели, нацеплю серенький халатик и тут же исповедуюсь во всех грехах. Но не успел даже протереть глаза, как один из них воскликнул:

– Господи! Так это ж Веня!

– Не может быть!

– Ну до чего же постарел!

– Бедняга! Тебя-то как угораздило?

Когда приветствуют совершенно незнакомые люди, на душе становится светло и радостно... Но только не в этих обстоятельствах. Вот если бы сидел за столиком в Домжуре или вещал со сцены на юбилее собрата по перу! А тут непонятно кто, да и личности внешне ничем не примечательные. Хотя справедливости ради следует признать, что в их глазах есть некая осмысленность, а это редкость, особенно в нынешние

времена. Поэтому и спросил, ещё толком не придя в себя после ночных кошмаров:

– Вы кто?

– Позвольте представиться, Кузьма. По профессии историк.

Похож на школьного учителя, однако кто их разберёт – сегодня любой торгаш, разбогатевший на продаже нижнего белья, выглядит, как академик. Вот не хватало ещё оказаться в компании кабинетных интеллектуалов – копаются в древних манускриптах, а в это время мир катится в тартарары.

А вот другой – глаза горят, словно бы прошедшей ночью сделал грандиозное открытие, и потому спешит застолбить приоритет. Только бы не стал излагать свою теорию, а то ведь на пустой желудок... Однако тот сказал на удивление коротко и просто, даже обидно стало, поскольку предчувствия не оправдал:

– Я физик. Можно просто Макс.

– А я Антон. Биолог.

Ну так и есть – попал, как кур в ошип! Нет, больше недели в этой компании не выдержать. Хоть бы один приличный человек, без псевдонаучных закидонов! Им развлечение, а нам из своих карманов всё это оплачивать. И сколько ещё здесь таких?

– Меня зовут Егор. Ещё неделю назад был следователем по особо важным делам. Ну а сейчас не знаю...

Вроде бы с этим повезло, хотя... А вдруг подослан, что-

бы в приватной обстановке вывернуть подследственному душу наизнанку, добившись покаяния? Видали мы таких – наобещают с три короба, но, чуть расслабишься, и тут же какую-нибудь каверзу устроят.

Но вот ещё один – стоит, не открывая рта. То ли немой, то ли заика...

– Вы не удивляйтесь. Он у нас молчун, а разговоры считает напрасной тратой времени. Всё потому что литератор. Зовите его Влад.

По виду приличный человек, однако с этими молчунами требуется осторожность – кто знает, что он может выкинуть? Молчит, молчит, а потом как гаркнет – только уши затыкай!.. Странно, что фамилий не называют, словно бы какие-то нелегалы на задании. С другой стороны, всё достаточно логично – если когда-нибудь выберутся отсюда, вряд ли будут в восторге, если их злключения станут публично обсуждать. Иное дело журналист – для него любой скандал только на пользу, бесплатная реклама.

Первым делом возникает вполне естественный вопрос:

– Давно вы тут?

– Следователя, физика и биолога три дня назад с постели подняли, а нас с писателем привезли позавчера, – с грустным видом отвечал историк.

– И как?

– Да вот оказались в строгой изоляции от внешнего мира. Одежду сразу отобрали, хотя даже при большом желании

нет возможности бежать. Вон там, за перегородкой есть туалет, кабинка для душа, кухня с электрической плитой и холодильником. Всё рассчитано на шестерых – полотенца, зубные щётки, бритвенные принадлежности.

– Так может, готовят к длительному полёту в космос?

– Это вряд ли! Какой от нас прок? Тем более что никто не изъявлял желания...

– Возможно, ждут, чтобы согласились.

– Да не было такого разговора. То есть ни допросов, ни очных ставок, ни угроз... Только предложение поразмыслить обо всём.

– Вот и мне такое же сказали. И как их понимать?

В ответ развели руками, словно бы заранее отрепетировали этот жест. Наверняка не раз уже пытались разобраться, что к чему. Но даже пяти интеллектуалам это оказалось не под силу.

Разговор продолжился за завтраком.

– А что такое Z?

– Мы эту тему обсуждали. Все согласились с тем, что к поколению Z мы не имеем никакого отношения. Но убедительного объяснения такой странной маркировки не нашли. Есть только версии...

– И что надумали?

– Да вот Антон предположил, что это Zoom. С английского переводится как «увеличение изображения».

– Мне больше нравится другой перевод, «наезд», – заме-

тил следователь.

– Блатной жаргон тут явно ни при чём, – возразил ему биолог.

– Но что тут увеличивать?

– Так ведь мы для них предмет исследования, словно бы бактерии под микроскопом.

Тут все, не сговариваясь, посмотрели по сторонам, однако ничего такого, что походило бы на видеокамеру, здесь не было. Разве нечто весьма миниатюрное, что невозможно разглядеть.

– А по-моему, всё предельно просто! – воскликнул Макс, видимо, намереваясь изложить теорию, разработанную за ночь. – И нечего тянуть слона за хвост! Если есть палата Z, где мы теперь находимся, тогда должны быть и другие. К примеру, X, Y, ну и так далее, в соответствии с английским алфавитом. Все же видели, что в коридоре множество дверей, но, к сожалению, в темноте не разглядеть, что там написано.

– Послушай, Макс, мы находимся в России! – поморщился Антон. – Причём тут английский алфавит?

– Твоя версия с Zoom не менее заумная.

– Так что, других вариантов нет?

Веня не скрывал разочарования. Если с такой на вид простой задачей не могут справиться учёные мужи и опытный следак, трудно рассчитывать на то, что с их помощью удастся выйти на свободу.

– Влад ещё кое-что предложил, – словно оправдываясь, заявил историк, – но мы считаем, что это малоубедительно. Он полагает, что мы находимся на зоне. Ведь по-английски это Zone.

– А где колючая проволока? Где вышки с пулемётами?

– Да вот и мы о том же. За окном только густой лес и никаких намёков на присутствие охраны.

На некоторое время установилась тишина. Видимо, пришла пора предложить свой вариант. Ну чем журналист хуже следака или историка?

– Я тут подумал... Допустим, человечеству угрожает гибель, и вот интеллектуальную элиту решили изолировать, чтобы сохранить основу для возрождения после того, как...

– дальше Веня не решился продолжать, поскольку и без того всё было ясно.

– Позвольте, но для продолжения рода нужна хотя бы одна женщина.

– Так мы же не знаем, кто находится в других палатах.

– Что-то вроде Ноева ковчега? Да нет, это маловероятно. И кто будет нас кормить, если остальные вымрут?

На это трудно что-либо возразить, поэтому опять немного помолчали. Однако о чём-то надо говорить, иначе свихнёшься от тоски и полнейшей безнадёжности. Ну можно ли смириться с тем, что, как цветок из клумбы, выдернули тебя из жизни и теперь всё, что остаётся, это ждать, когда и сам окажешься... то ли на погосте, то ли и впрямь в каком-ни-

будь гербарии. Только представьте – частная коллекция засушенных интеллектуалов! Сначала откормят на убой, ну а потом... Да в нынешние времена ничему не стоит удивляться.

– И всё-таки обидно. Там, – Веня махнул рукой в сторону окна, – происходят глобальные события, а мы сидим тут взаперти, отрезанные от остального мира, лишённые возможности вмешаться, что-то предпринять...

– А что мы можем изменить? К примеру, я предложил свою версию начала Руси, а на Учёном Совете устроили жуткую головомойку. Обвинили в том, что посягаю на устои, ставлю под сомнение авторитет Академии наук... До сих пор не могу прийти в себя, – пробормотал историк.

– Подобные заморочки только у вас, гуманитариев. В естественнонаучных дисциплинах всё иначе. Там истина проверяется экспериментом, – заметил физик.

– Ну, не скажи! – возразил биолог. – Вспомни хотя бы этого жулика Лысенко. Много крови испортил весьма достойным людям, чуть не угробил советскую генетику.

– А всё потому, что опирался на поддержку тех, кто находится у власти. Беда, если наукой пытаются управлять политики.

– В том-то и дело, что в гуманитарных науках царит, по сути, произвол. К примеру, каждый монарх или генсек хочет переписать историю по-своему, чтобы представить свою страну белой и пушистой, а все остальные государства очер-

нить. Ведь было же в России рабство, а мы только и слышим про то, как в США негров угнетают.

– Так ведь у нас крепостное право давно уж отменили.

– Вот-вот! А негры до сих пор бунтуют.

– У нас бы тоже бунтовали...

– Кто? Негры?

– Да мало ли таких, что лишены элементарных прав!

– Это ты про геев?

– Далась тебе эти гомосеки! Но где ты видел всенародное единодушие во время президентских выборов?

– Ну, скажем, в азиатских государствах. Там кое-где феодалы правят по сей день...

Макс с Антоном ещё долго могли бы продолжать свой спор, но их прервал Кузьма:

– Господа! Вы позволите продолжить?

– Ты о чём? – удивился Макс.

– Я о начале Руси...

– Эх, куда тебя понесло! Можно подумать, что все другие проблемы решены.

– И всё же давайте по порядку. Сначала с Древней Русью разберёмся...

– Да какая разница, как возникла Русь? Есть русский народ, ну а откуда он взялся, этой загадкой пусть занимаются профессиональные историки.

– Так в том-то и дело, что за триста лет не разобрались!

– России от этого не убудет.

– А престиж? Есть академия наук, но выясняется, что ни фига она не может.

– Эй! Только биологию не трожь! – Антон даже побагровел от возмущения. – Если бы не мы, не было бы ни лечебных препаратов, ни вакцин. Да и вообще, на нас вся планета держится!

– Уж это ты загнул! Пандемию-то прозевали. Раньше надо было к ней готовиться.

– Егор, твои претензии явно не по адресу. Мы люди подневольные. Что скажут, то и делаем, однако от правительства никаких распоряжений к нам не поступало. Я ещё несколько лет назад предупреждал, что такого рода явления возможны, но меня не стали слушать, – видимо, Антон устал оправдываться, и потому выдвинул последний аргумент: – И всё равно, если бы не мы, человечество было бы обречено на вымирание!

– Да ладно тебе! Тысячи лет жили без таблеток, УЗИ, рентгена, вакцинации. И между прочим, здоровее были, – продолжал настаивать на своём Егор.

Антон собрался было опровергнуть Егора, но тут взмолился Макс:

– Нет, так нельзя! И без того тошно, а вы снова про болезни, про врачей. Словно бы сижу у себя дома перед телевизором и слушаю их бесконечную трескотню про наши успехи в фармацевтике.

– А ты что предлагаешь?

– Да мало ли тем для разговора. Можно, например, обсудить строение Вселенной, у меня есть кое-какие новые идеи, или возможность мгновенного перемещения в пространстве.

– Ты ещё про телепатию нам расскажи!

– И что? Я сам когда-то участвовал в таком эксперименте. И результат был потрясающий!

– Да ну?

– Про телепатию, конечно, интересно, – вмешался Веня. – Но я бы предпочёл что-то более реальное. Вот, скажем, ты, Егор... Можешь припомнить дело, которое тебе не дали завершить?

– Да, было кое-что... Но мне сказали: «Всё! Забудь! Иначе можешь остаться без работы».

– С чего бы так?

– Нарыл на вице-преьера компромат.

– Ну, тогда понятно, почему тебя сюда засунули.

Можно было ещё долго копаться в памяти, выискивая причину для ареста или хотя бы для временной изоляции от общества. Да каждый из них мог кого-то нечаянно обидеть – не уступил дорогу в борьбе за прибыльную должность или просто не вернул кредит влиятельному банку. Вариантов можно отыскать с три короба, но Веня решил это прекратить, поскольку толку никакого – властям легче лёгкого найти какой-то повод. Ну а публичное признание в грехах – возможно, это то, чего они и добиваются. Так не доставим им такого удовольствия!

– Ну что ж, друзья, давайте подведём промежуточный итог. Будем считать, что историка упрятали сюда, поскольку обидел академиков. Физика – за увлечение паранормальными явлениями. Биолога – за то, что не сумел предотвратить пандемию. Да и с Егором тоже всё предельно ясно.

– Ну а тебя тогда за что?

– Так честному журналисту всегда есть, что предъявить.

– Про писателя забыл.

– Что скажешь, Влад?

– Честно говоря, не знаю. Если писал в жанре публицистики, то никого ни в чём не обвинял, не оскорблял, так что вряд ли можно к чему-нибудь придраться. Ну а в романах только вымысел, метафоры...

Понятно, что писателя трудно в чём-то упрекнуть, разве что искажил общеизвестные факты в угоду зарубежным злопыхателям. Да и журналист мог ненароком возвести напраслину на заслуженного человека. Даже историк способен совершить ошибку, не говоря уже о биологе и следователе. Но это ни в какое сравнение не идёт с тем, что позволяют себе некоторые члены академии, высшие чины и воротилы бизнеса. Похоже, мысль о такой несправедливости намертво задела в голове Куэмы и не давала успокоиться:

– Послушай, Веня, неужели нас упрятали сюда за такую ерунду? Понизить в должности, лишить квартальной премии, наконец, уволить... Это я ещё могу понять. Однако нельзя же без суда и следствия лишать людей свободы!

Должна быть какая-то веская причина. Ну какой им прок от того, что здесь сидим?

Вопрос остался без ответа. Всё потому что каждый рассуждал, оценивая собственную жизнь, прикидывал, где мог преступить некий нравственный предел, причём не важно, по собственной инициативе или же невольно. Но какой смысл в том, чтобы держать в одной палате сразу шесть человек, никак не связанных по работе и прежде незнакомых? И тут Макса осенило:

– А что если среди нас находится преступник? И цель этого заточения только в том, что мы должны его разоблачить. Твоё мнение, Егор?

– Подозреваемого обычно сажают в камеру к отпетым уголовникам. Ну прессанут его немного, и на следующий день, как на духу, всё выложит.

– Ужас! Тут хоть сидишь с интеллигентными людьми, а там я бы сразу же во всём признался, – судя по выражению лица, Кузьма уже готов был смириться с неизбежным, если окажется в подобной ситуации.

– Признаться даже в том, чего не делал? – удивился Макс. – Не ожидал подобного малодушия от интеллектуала.

– Так если нож приставят к горлу... Я бы посмотрел, как ты станешь отбиваться.

– Нет, в нашем случае такая метода не работает, – успокоил собеседников Егор, имея в виду отсутствие среди них людей с уголовным прошлым.

– Я думаю, ты не прав, – возразил Антон. – Был такой фильм, «12 разгневанных мужчин». Присяжным предстояло выяснить, виноват подсудимый или же не виноват. Так, может, и теперь...

– Я только не понял, кто тут подсудимый? – вмешался в этот спор Кузьма.

Антон уже готов был отказаться от своей идеи, однако на выручку ему пришёл Макс:

– А давайте применим метод последовательных исключений. Из списка подозреваемых будем удалять тех, кто кажется достойным нашего доверия. И в результате останется один. Вот он и есть преступник.

– Ну это уже слишком, Макс! Ты это прекрати! – возразил Антон. – Здесь собрались вполне приличные люди, и нет никаких оснований кого-то в чём-нибудь подозревать.

## Глава 2. Кто есть кто?

– Не надоело вам? Может, всё-таки поговорим о бабах?

По долгу службы Веня привык брать интервью у людей самых разных убеждений и профессий, но одно дело, когда сидишь в студии, перед микрофоном – там он царь и бог. А тут, чего доброго, начнут копать в биографии, выявят порочащие связи... И понеслось! Нет, надо уходить от опасных тем. Ну разве что повернуть всё так, чтобы остаться белым и пушистым. Чем хорош разговор о дамах – супружескими изменами теперь никого не удивишь. Напротив, можно рейтинг передач повысить, если рассказать здесь о своих интимных связях, ну а потом они всем раззвонят.

Однако это предложение вызвало неадекватную реакцию. Все замолчали, словно бы он сказал что-то неприличное, и только Кузьма решился выразить протест, причём в весьма своеобразной форме:

– Веня! Я и не знал, что ты сексуально озабоченный.

Такого популярный журналист никак не ожидал. Ещё чуть-чуть и станут обвинять бог знает в чём, а там недалеко и до мордобоя – чего доброго, устроят ночью «тёмную». Поэтому Веня попытался объяснить свою позицию, достойно выйдя из неловкой ситуации:

– Ну почему непременно озабочен? Приятная тема, не более того. А если будем говорить только о науке или о поли-

тике, тогда все перессоримся, и это в лучшем случае, – Веня готов был развить свою идею, однако, взглянув на лица собеседников, понял, что от него ждут совсем не этих слов, и потому, немного помолчав, пробормотал: – Ну ладно, пусть будут женщины, а не бабы, – и уже более твёрдым голосом добавил: – Но сути дела это нисколько не меняет.

– Я бы так не сказал, – возразил Антон. – У меня язык не повернётся назвать бабой кандидата или доктора наук.

– Ну что пристал? Я же признал свою ошибку. К тому же речь шла вовсе не о них.

– Тогда о ком? О проститутках? Нет, братцы, после таких разговоров, особенно, если на ночь, и до греха недалеко, Надеюсь, среди нас нет склонных к мужеложеству? – Егор посмотрел на Веню так, словно бы знал о нём то, о чём не принято говорить в приличном обществе.

– Да не было у меня ничего такого! – от возмущения Веня даже подскочил на месте.

– Тебя никто ни в чём не обвиняет, – попытался успокоить журналиста Егор. – Но я вот о чём подумал. А что мы знаем друг о друге? Только то, что каждый рассказал нам о себе. Ну, с Веней всё понятно, он личность всем известная, и если бы дал повод, давно бы его похождения на всех ток-шоу обсуждали. Но почему я должен верить, что Антон биолог?

– Нет, позвольте! – на этот раз был возмущён Антон. – Какое у вас право мне не верить? Я дипломированный специалист, доктор биологических наук, меня цитируют в науч-

ных журналах, причём и в России, и за рубежом.

– А нам откуда это знать? – возразил Егор. – Паспорта у нас забрали, интернета здесь нет. Так что ничего ты не докажешь.

– Доказать это легче лёгкого. Давай, я лекцию прочитаю по молекулярной биологии или биосемиотике. Всё тут же станет ясно.

– Ну, вызубрить статью из википедии... Это каждый школьник сможет.

– Вот-вот! И как мы сможем определить, что он не несёт полнейшую чушь? – подхватил Кузьма.

Антон только руками развёл. И впрямь, как можно кого-то в чём-то убедить, если никто не хочет верить? Однако и смириться с унижением нельзя:

– Влад, Веня! Почему же вы молчите? Макс! Неужели тебя это не возмущает?

– А что тут скажешь, если Егор, по сути, прав? – Макса эта ситуация явно забавляла. – Здесь каждого можно подозревать буквально в чём угодно. В педофилии, в подготовке покушения на президента...

– Но это же 37-й год! Не хватает ещё, чтобы мы стали выбивать друг из друга показания, – опять заныл Кузьма.

Пришла пора вмешаться Вене. Он это и сделал, когда все остальные ненадолго замолчали:

– Я вот что думаю. Конечно, презумпцию невиновности никто не отменял, но кто знает, сколько ещё здесь сидеть?

И меня совсем не радует такая перспектива... Представьте, каждой ночью ждать, что кто-нибудь в постель к тебе залезет или, не дай бог, придушит собственной подушкой... В общем, надо разобраться, кто есть кто и какую опасность может представлять для нас.

– Согласен! – поддержал идею Макс. – Необходимо провести расследование. К счастью, следователь среди нас есть, надо только найти что-то вроде камеры СИЗО.

– А вы уверены, что Егор из Следственного комитета? – зловещим шёпотом произнёс Антон, словно бы намекая на обстоятельства, известные одному ему.

Конечно, в жизни всякое бывает, но сомневаться в статусе представителя одной из ветвей верховной власти... Пусть он не в форме, без погон, однако и его осведомлённость о методах дознания, и манера излагать свои мысли – всё указывало на то, что перед ними, действительно, сотрудник Следственного комитета. И вдруг возникает такое подозрение. Все, не стовариваясь, посмотрели на Егора.

– Да что вы, в самом деле! Нельзя же каждого подозревать во лжи, – расстроенный недоверием Егор попытался возражать.

– Ну да, меня, выходит, можно, а вот тебя категорически нельзя. И где тут логика, где тут справедливость?

К счастью для Егора, последние слова Антона повернули разговор совсем в другую сторону.

– На мой взгляд, справедливость – это метафизическая

категория. В реальности ничего такого не бывает, – заявил Кузьма. – Вся мировая история подтверждает этот вывод.

– То есть как? А справедливое возмездие? К примеру, по решению суда...

– Да не смейся, Егор! Присяжные подкуплены, ну а судья и прокурор... Вот ты пошёл наперекор начальству и оказался здесь, – судья по выражению лица, Макс был весьма доволен тем, что нашёл убойный аргумент.

– А если решение принимает весь народ... – продолжал настаивать Егор.

– На то есть телевидение и радио. Задача всех этих масс-медиа превращать людей в послушных идиотов.

Такого выпада Веня не стерпел:

– Макс! По-твоему, я этим занимаюсь? Да если бы не «Эхо столицы», сидеть вам под пятой ГКЧП!

– Ой, да какая разница, ГКЧП, КПСС или эта ваша демократия! Вот ведь сидим здесь под замком, а там... – Кузьма махнул рукой в сторону окна.

Демократию не решились обсуждать, поскольку и без того всё было ясно. Самое время перевести разговор на другую тему – кто знает, может, их подслушивают. Возможно, тюремщикам того и надо, чтобы вывернули себя наизнанку, а там только выбирай, на чём построить обвинение. В такой ситуации вполне логично возникает мысль, что в результате какого-то космического катаклизма шесть человек перебрало в 37-й год... Впрочем, это маловероятно – ни хо-

лодильников таких, ни электрических плит в то время ещё не было. Ну разве что разработали специально для кремлёвской элиты...

– Хорошо хоть кормят, а то ведь с голодухи ноги можно протянуть, – немного успокоившись, заметил Веня, похлопывая себя по животу. – А кстати, кто наши съестные запасы пополняет?

– Похоже, это происходит по ночам. На кухню есть отдельный вход, – объяснил Егор.

– Так надо задержать того, кто нам приносит еду, и заставить рассказать о том, что происходит! Ну хоть какую-то информацию получим.

– Ничего не выйдет. Дверь, что в перегородке, запирается с той стороны.

– Всё предусмотрели, злыдни! – подтвердил Кузьма. – Я прошлой ночью собрался в туалет, и вдруг обнаружил, что дверь не открывается.

– Что, напустил в штаны?

– Да нет. Через пару минут что-то щёлкнуло в двери, и я смог её открыть.

– И никого там не увидел?

– Ни души!

– Это странно.

– Возможно, замок в двери дистанционно управляется.

Никто не стал спорить с Максом – физику виднее. А его снова понесло:

– Послушайте, а что если мы в заложниках и за нас вот-вот потребуют выкуп?

– Не смейся! Вот если бы ты владел нефтегазовой компанией, а я сетью супермаркетов по всей Москве...

– Тогда, может быть, мы в плену у религиозной секты? – не унимался Макс.

– Тебе бы романы писать в жанре фэнтези... – усмехнулся Веня. – То же мне, телепат!

## Глава 3. Исполнение желаний

– Я вот думаю... Если волосы покрасить в соломенный цвет, может, лысина не будет так просвечивать?

Понятно, что даже перед казнью хочется выглядеть прилично. Зеркала здесь есть, но в этой ситуации думать о том, как будешь выглядеть в гробу, всё же рановато. Конечно, надо держать себя в форме, не распускать нюни и оставаться оптимистом. Но долго ли удастся сохранять спокойствие? В этом деле могут помочь приятные воспоминания – только они позволят ощутить себя частью большого мира, где люди не только вкалывают из последних сил от зари и до зари, но и получают массу удовольствий, если есть такая редкая возможность. К тому же после сытного обеда не хотелось продолжать поиски виновных и обсуждать причины происшедшего.

– В прошлом году с женой и старшей дочкой отдыхали на Бали, – блаженно улыбаясь, вымолвил Кузьма. – Море, солнце... Что ещё нам надо? Но мне и в голову не могло прийти, что подобное случится.

– А я год назад в это же время по Парижу бродил, – признался Веня. – Монпарнас, Монмартр, кафе Клозери де Лида... Если б знал, что так получится, там бы и остался.

– Неужели навсегда?

– Почему бы нет? Конечно, без особого восторга. Но луч-

ше на чужбине тосковать, чем вот так, за железной дверью...

– Главное, не где, а с кем, – эти слова Влад произнёс с некоторой ноткой назидания в голосе, но был, по сути, прав. – Я вот во времена блаженной юности в Новом Свете отдыхал. Это в Крыму, недалеко от Судака. Какие замечательные там бывали люди! Артисты, поэты и писатели, театральные режиссёры, музыканты...

– Ты на что же намекаешь, Влад? Неужели готов променять новосветский пляж на эту конуру? – удивился Макс.

– А почему бы нет, если ненадолго? В хорошей компании можно время с толком провести...

– Ну да, Макс станет разрабатывать новую теорию строения Вселенной, а мы, развесив уши, будем слушать лекцию Антона о пользе воздержания, – не сдержался Веня, вызвав накопившееся раздражение, что вполне естественно для нормального человека, если он попадает в общество словоохотливых умников и учёных зануд.

Как ни странно, остальные не стали возражать против подобного досуга. Похоже, смирились с тем, что некоторых издержек совместного проживания в одной палате никак не избежать. Тем более что могло быть и гораздо хуже – это в том случае, если бы оказались в обществе какого-то отребья, маргиналов или попросту людей малообразованных, их в нынешние времена хоть отбавляй.

– Послушайте! А может быть, всё это нам снится?

– То есть как? – воскликнули хором Веня и Егор.

– Всё очень просто! Представьте, что я сплю, причём в своей кровати, дома, на Большой Ордынке. И вот во сне явились вы, пятеро совершенно незнакомых мне людей, и начался этот кошмар в палате с железной дверью и зарешёченным окном. Но этот сон не может бесконечно продолжаться, и вот тогда...

– Постой, постой! – воскликнул Макс. – А как же я? Я тоже сплю или я фантом, родившийся в твоём воображении?

– Воображение тут ни при чём. Все вы неизвестно как родившийся продукт моего подсознания, не более того.

– То есть нас не существует?

– Вот именно!

– Ну, удружил! – Антон был возмущён до глубины души. – Мы чуть ли не бьёмся головой об стену, и вдруг оказывается, что надо только немного подождать, когда Кузьма проснётся, и этот кошмар для нас закончится. Нет, не могу поверить, будто меня нет.

– И я!

– И я!

– Да уж, Кузьма! Никак не ожидал от тебя такого оголтело-субъективного идеализма, – поддержал сокамерников Веня.

А вот Егор, судя по всему, идею историка воспринял несколько иначе:

– Пожалуй, увлечение идеализмом я готов Кузьме простить. Это его право, закон не запрещает выдвигать подоб-

ные идеи, – и после небольшой паузы продолжил: – Но что если это летаргический сон? Тогда мы в этом заточении останемся навечно...

Последние слова Егора могли привести к непредсказуемым последствиям, вплоть до коллективной истерии, если бы на помощь не пришёл биолог:

– Современная наука возможность перехода в такое состояния отрицает, причём категорически, – авторитетно заявил Антон. – Но попытаться объяснить всё тем, что мы барахтаемся где-то в голове Кузьмы и подчиняемся изгибам его болезненно чувствительного подсознания, получая какие-то сигналы от мозговых нейронов... Это уже что-то запредельное! Ну хоть тресни, не могу этого понять.

Выход из ситуации, грозящей помутнением рассудка или хотя бы длительным расстройством мироощущения, предложил Макс:

– Здесь нужно применить радикальный метод. Известно, что человек обычно просыпается, если ночной кошмар выходит за допустимые пределы, к примеру, если угрожает смертельная опасность. Всё дело в том, что срабатывает инстинкт самосохранения. Так, может быть, попробуем?

– Что ты конкретно предлагаешь?

– Сделаем верёвку из простыни, один конец закинем на крюк, к которому подвешена вот эта люстра, – Макс указал на потолок. – Затем поставим Кузьму на табурет, петлю затянем на его шее. Останется только выбить табурет...

Все разом посмотрели на Кузьму. Тот побледнел, вскочил со стула и попятился к двери.

– Вы шутите?

– Да вовсе нет, – процедил Макс, демонстрируя решимость довести эксперимент до логического завершения.

Было очевидно, что Кузьма чуть ли не в предынфарктном состоянии, поэтому Веня поспешил успокоить незадачливого фантазёра:

– Не бери в голову, Кузьма! Макс и вправду пошутил. Однако с завиральными идеями будь поосторожнее, а то в следующий раз дело может плохо кончиться.

Историк облегчённо вздохнул и сел на прежнее место, одарив спасителя благодарным взглядом. Никто больше не собирался обсуждать его идею, а Веня, между тем, продолжал свои нравоучения:

– Чтобы впредь не попадать впросак, попробуй разобраться в том, как и почему у тебя возникли такие мысли. Похоже, на подсознательном уровне ты боишься той реальности, в которой мы вынуждены жить, и вот пытаешься избавиться от страха, отрицая её существование. Или я не прав?

Кузьма растерянно поглядел на Веню, а затем, словно бы набравшись смелости, сказал:

– Ты знаешь, Веня, мне в этом мире всегда было как-то неуютно. И в детстве, и сейчас, за исключением, пожалуй, бесшабашной юности. Так вот, я осмелюсь утверждать, что мир прекрасен, но человеческое общество... – Кузьма мах-

нул рукой, демонстрируя полнейшую безысходность. – Везде ложь, зависть, ненависть, коррупция... Ну куда историку податься?

– Хотел бы перебраться в те счастливые времена, когда люди жили в пещерах и охотились на мамонтов?

– Да по большому счёту тогда было то же самое. Влад, ты как считаешь?

– Про эпоху палеолита не пришлось писать. Но ты, конечно, прав, Кузьма, поскольку с тех пор ничего не изменилось. Только упрятали всё в красивую упаковку, да лицемерия наверняка побольше, – по сути, Влад поддержал Кузьму, а затем неожиданно продолжил: – Мне иногда кажется, что стоит человеку согрешить, и он перемещается в некий параллельный мир, где всё не так, где всё гораздо хуже.

– Что ты имеешь в виду?

– К примеру, бросил человек жену с ребёнком, и с ним произошло несчастье. Не обязательно на следующий день, может быть, гораздо позже... Однако всё равно возмездие неотвратимо.

– Но тысячи людей, совершавших гнусности, живут себе припеваючи, – не согласился Макс.

– Да всякое бывает! Если допустить существование какой-то Высшей силы, даже ей за всем не уследить.

– А по-моему, всё дело в совести. Она-то и не даёт покоя, и грешник сам себя ведёт к печальному концу. А если совести нет, тогда мерзавец благоденствует, несмотря на совер-

шённые грехи.

Кузьма обвёл глазами остальных, рассчитывая на поддержку. Но очень уж непростая это тема, чтобы с ходу дать правильный ответ.

– И всё же хотелось бы надеяться на то, что некто всемогущий и непогрешимый наведёт порядок на Земле, покончит с этим безобразием. Есть у меня такое сокровенное желание, – признался Макс.

Против этого никто не решился возражать.

## Глава 4. День хуже некуда

– Господи! Я так больше не могу! Когда же всё это закончится?

Кузьма ходил взад-вперёд, от окна и до двери, от двери и до окна, при этом посматривая по сторонам, то на Антона, то на Егора, словно бы они могли ответить на такой вопрос. Возможно, он надеялся, что его утешат, снова как-то успокоят, однако дело в том, что все пребывали в таком же состоянии, но сдерживались, стараясь не выставлять свои переживания напоказ. Вроде бы здесь некого стесняться, однако если все заголосят, завоют разом, нетрудно вообразить, к чему всё это приведёт. Коллективный психоз ещё никому не помогал в минуты скорби и отчаяния.

И только Веня отозвался. Впрочем, он ничего не смог бы предложить, тем более что совсем некстати у него появилось желание пофилософствовать:

– Мы лишние в этом мире. Мы побочный продукт цивилизации. Основную долю населения составляют трудяги, которые не задумываются ни о смысле жизни, ни о путях развития цивилизации.

– Согласен, – поддержал его Влад. – Власть нуждается в послушных исполнителях, в безмозглых потребителях услуг, а мы, как белые вороны, бродим как неприкаянные в этом мире, делая вид, что всем довольны, что именно так всё и

должно быть.

– Проблема в том, что нами невозможно управлять, – добавил Макс. – То есть мы подчиняемся до поры до времени, ну а потом...

– Потом наступает тот предел, за которым либо полная утрата личности, либо бунт!

– Ну, это ты загнул, Влад! – возразил Егор.

– Я имел в виду тот бунт, который созревает в умах. Он где-то там, внутри и очень редко выходит на поверхность.

– И в чём, по-твоему, причина?

– Обыкновенная трусость, боязнь потерять то небольшое, что мы имеем.

– Согласен. Но только если речь идёт о свободе, о свободе личности.

– Не только! Все мы люди, и потому ничто человеческое нам не чуждо. К примеру, дом, машина, дача...

– Для джентльменского набора не хватает ещё молоденькой любовницы, – Антон счёл возможным дополнить этот список, видимо, исходя из собственного понимания того, что такое счастье.

– Да-да, смазливой аспирантки, – поддакнул Макс.

– Антон, Макс, не травите душу! – взмолился Веня. – Мы вроде бы договорились, что о женщинах не говорим ни слова.

Помолчали. Видимо, каждый в мыслях перенёсся туда, где были дом, семья, друзья. Где осталось многое из того, без

чего невозможно нормальное существование... Вот не хватало ещё пустить слезу и снова, в который уже раз пожаловаться на судьбу.

Молчание прервал Кузьма:

– А мне сегодня ночью приснилось, что повесился, – эти слова он сопровождал виноватой улыбкой, словно бы извиняясь за то, что никого заранее не предупредил о своём намерении покончить с жизнью.

– И как, успешно? – усмехнулся Макс.

– Да нет, – вполне серьёзно отвечал Кузьма. – Вынули из петли. Вот не пойму, к чему бы это?

– Я думаю, что этот добрый знак. Значит, есть ещё надежда.

Спорить с Веней никто не стал. Хотелось верить, что всё закончится само собой. Надо только смиренно ждать, да и сил на бесплодные споры уже не оставалось. Самое время обменяться впечатлениями...

– А я всю ночь просидел на крыше, – признался Макс. – Представляете, сижу голый, на пронизывающем ветру. Вцепился обеими руками в телевизионную антенну и чего-то жду...

Антон не дал ему договорить:

– Вполне себе эротический сон.

– Не вижу ничего эротического, – не согласился Макс с таким диагнозом.

– Тогда зачем разделся?

– Тебе всё шуточки, я до сих пор дрожу... Жаль, кроме минералки, выпить нечего. Эх, мне бы чего-нибудь покрепче!

– От бокала хорошего вина и я бы не отказался, – Антон мечтательно закатил глаза, представив себя сидящим за столом в шикарном ресторане.

– Ну а ты, Егор? – Веня решил уйти от опасной темы.

– Я всё ночь за кем-то гнался.

– Поймал?

– Да нет. Но вот закрою глаза, и возникает ощущение, что всё ещё бегу.

– Так бывает. Кажется, ещё вот-вот, а он всё время ускользает, – Антон вытянул руки, словно бы готовясь кого-нибудь схватить. – У меня такие сны в младенчестве случались.

– Ты на что же намекаешь? – обиделся Егор. – Детство тут совершенно ни при чём. Не только у меня такие сны. А дело в том, что уголовные дела редко заканчиваются справедливым приговором. Особенно, если на скамье подсудимых очень важная персона.

– Да не бери в голову! Это я так, без задней мысли.

До выяснения отношений на повышенных тонах дело не дошло – в сложившейся ситуации это явно ни к чему. Куда разумнее продолжить разговор о том, что кому приснилось.

– А что же Веня? – с загадочной улыбкой обратился к журналисту Макс. – Уверен, ты всю ночь сочинял убойную статью о том, как гнобит власть шестерых интеллектуалов. Уга-

дал?

– Ты прав. Вроде бы получился классный текст. Проблема в том, что после пробуждения всё напрочь забываю.

– Обидно!

– Не то слово! Впрочем, если бы даже вспомнил, не смог бы записать... Хоть бы клочок бумаги был и карандаш.

– Влад, ну а ты?

– Я спал.

– Скучный ты человек, ей богу. И книги твои наверняка тоже скучные. Кстати, кто-нибудь читал?

– Так мы фамилии его не знаем.

– Влад! Хоть намекни...

– Да ни к чему это. Вот выйдем отсюда, тогда я каждому из вас свою книгу подарю, в дарственной надписью и пожеланием больше никогда не попадать в такую ситуацию.

– Замётано! – согласился Макс.

Вроде бы все о прошедшей ночи отчитались... Но нет!

– Антон, ты что молчишь?

– А что рассказывать?

– Чем ночью занимался? Если, конечно, об этом можно говорить в приличном обществе.

– Макс, опять ты за своё... Ладно, расскажу, но только потом не обижайтесь.

– И что же такое ужасное тебе приснилось?

– А вот... Сажу в лаборатории. Под микроскопом проба, взятая из крови пациента. Вижу несколько вирусов, у каждо-

го корона... Что-то вроде щупальцев, тех самых, с помощью которых он белковую клетку атакует. Надо бы рассмотреть это чудище поближе. Увеличиваю разрешение, и что же вижу?.. Нет, дальше не буду продолжать!

– Антон, ну так нельзя! Если уж начал, давай, выкладывай!

– Ладно, вам же будет хуже... Так вот, когда довёл разрешение почти до максимального, увидел...

– Ну?

– В центре того, что принято называть телом вируса, разглядел нарост, напоминающий маленькую голову. Ещё увеличил разрешение, и вот...

– Ну не томи! – воскликнул Макс.

Теперь уже он дрожал не от ночного холода, а от предчувствия беды. Умом он понимал, что не надо бы настаивать, но инстинкт исследователя не позволял остановиться. Антон как-то печально, с нескрываемым сочувствием взглянул на Макса и, наконец, сказал:

– Там была твоя милая мордашка. Можешь мне не верить, но это было так.

– Это уже ни в какие ворота не влезает! – только и смог выговорить ошеломлённый Макс.

Затем он вскочил из-за стола и плюхнулся на свою кровать... Широко раскрытыми глазами Макс смотрел на потолок, словно бы пытаясь разобраться в том, что только что услышал, а если повезёт, увидеть там хоть какую-то подсказ-

ку. В комнате стало тихо, поскольку ни Веня, ни Егор, ни Влад так и не решили, как реагировать на слова Антона – то ли это шутка, то ли всё всерьёз. Что уж говорить о Кузьме, который как-то по-женски всплеснув руками, обхватил ладонями лицо и теперь сидел, раскачиваясь из стороны в сторону и глядя в одну точку.

– Я и не знал, что среди физиков встречаются столь впечатлительные натуры, – прервал тишину Антон, сопроводив свои слова насмешливой улыбкой.

– А если бы тебя превратили в вирус? – огрызнулся Макс, постепенно приходя в себя.

– Да никто никого не превращал. Ведь это только сон! К тому же ты был там вовсе не один.

– Так что же, все мы? – догадался Веня.

– Ну да! Разве вы не поняли? Там было шесть этих крохотных вирусов с нашими головами.

– Час от часу не легче! – воскликнул Егор.

– Я же всех предупреждал...

Услышанное надо бы осмыслить. Конечно, это всего лишь сон... Но что если он недалёк от истины? Не зря же возникла мысль о некой Высшей силе.

Наконец, Веня попытался найти выход из возникшей ситуации:

– Антон, признайся, что ты всё это выдумал.

– Да зачем мне врать? К тому же, я с детства чёрного юмора не дух не выношу.

– Тогда чем можно объяснить это сновидение? – не дождавшись ответа от Антона, Веня обратился к остальным: – Какие будут мнения?

– Позвольте мне.

Как ни странно, спокойно отнёсся к откровениям Антона только Влад. Видимо, в сознании писателя рождались фантастические сюжеты и покруче этого, и каждому такому феномену он находил обоснование. Вот и теперь...

– Мне кажется, дело в том, что сновидение отражает особенности нашего восприятия действительности. Биолог привык рассматривать её как бы под микроскопом, отсюда и возникла столь странная картина.

– Всё это понятно! – перебил его вышедший из оцепенения Кузьма. – Но каким образом там появились наши лица?

– А ты припомни, о чём мы говорили вчера? О некоей Высшей силе, которая только и способна навести порядок на Земле.

– Не вижу связи...

– Связь возникла в голове Антона. Для этой Высшей силы шестеро интеллектуалов это мелочь, букашки, которыми можно помыкать, которых можно поместить в пробирку, чтобы затем исследовать под микроскопом. Иными словами, сновидение Антона это признание ничтожности нашего существования, – подытожил Влад.

– Я думаю, ты не прав, – перебил его Егор. – если бы речь шла о безвредных букашках, тогда можно согласиться. Од-

нако здесь совсем не то... Здесь вирусы!

– На мой взгляд, скрытый смысл этого сновидения в том, что мы не приносим никакой пользы, только вред... – развивал свою идею Влад, видимо, отталкиваясь от собственного опыта. – Поэтому и предстали в виде вирусов, которые размножаются, создавая себе подобных, но это не нужно никому, кроме них самих. Мы с вами тоже паразиты – вот в чём главный смысл!

– Ну, это ты загнул! – возразил Антон. – У меня и в мыслях ничего такого не было.

– Эти мысли пытается нам внушить та самая Высшая сила. Думаю, что власть имущие с моим тезисом вполне согласны.

– Влад, ты категорически не прав! – не сдержал возмущения Антон. – Назвать нас паразитами может только какой-нибудь полудиот, неспособный отличить интеграл от логарифма, а инфузорию от атома. Да что тут говорить, без нас цивилизация зачахнет! Мы двигаем прогресс и в науке, и в культуре.

– Не вижу никакого прогресса...

– То есть как?

– Культура деградирует. Литературы просто нет... Историки и прочие гуманитарии вообще занимаются непонятно чем. Всё потому, что единственный стимул в жизни большинства людей заключается в том, чтобы заработать как можно больше денег, а затем... Затем, сидя на веранде роскошной виллы где-нибудь на побережье Адриатики или Бис-

кайского залива, рассуждать о том, каким же был наивным чудаком ещё сорок лет назад, когда верил в идеалы добра и справедливости, равенства и братства.

– Положим, я в это никогда не верил, – признался Макс.

– Тем хуже для тебя, точнее, для твоих детей... – откликнулся на это признание Егор.

– А вот детей не тронь! С ними всё будет в порядке.

– Сомневаюсь.

## Глава 5. Надежды и разочарования

– Не надоело вам?

Вене эти разговоры были крайне неприятны. Не потому, что он имел другое мнение, однако предпочёл бы обсудить такую тему в эфире своей радиостанции – в этом был бы хоть какой-то смысл. А тут всё равно никто их не услышит... Разве что найдётся соглядатай или предатель, который сочинит донос своему куратору – тому самому, в белом накрахмаленном халате.

– Конечно, надоело, – согласился с журналистом Влад. – Но что ещё нам остаётся?

– Надо поискать какой-то выход.

– Да где ж его найдёшь? Разве что лбом стену проломить.

Такого желания ни у кого не возникало, а других подручных средств здесь не было. Нужен генератор идей, но дело в том, что никто из них никогда не оказывался в подобных ситуациях.

– А давайте поговорим о чём-нибудь приятном. Не понимаю, как можно гробить своё время на разговоры о политике, о смысле жизни, о бренности нашего существования. Это же мука смертная! Неужели так трудно найти более достойное занятие? – взмолился Кузьма, и вслед за этими словами на его лице появилась блаженная улыбка: – Если б вы знали, как я был счастлив, когда занимался историей начала Руси!

– Ну вот, опять завёл свою шарманку! – отмахнулся Макс. – Я вот сейчас думаю, как переживают дети и жена, ищут меня по моргам, по больницам, обзванивают отделения полиции, пытаются что-то узнать в приёмной ФСБ.

– Да, им не позавидуешь, – согласился Веня.

Егор попытался успокоить Макса, а заодно и остальных:

– А я уверен, что их предупредили. Мол, так и так, ваш муж в командировке. Или выполняет спецзадание.

– Ещё чего придумал! Им на наши семьи наплевать. Скажут, что пропали без вести, и никто даже искать не будет.

– Да уж, пропасть в Москве... Короче, влипли!

Когда нет выхода, тогда вновь начинается гадание на кофейной гуще – то ли это чья-то злая шутка, то ли оказались в руках садиста и маньяка, который получает удовольствие, глядя на страдания людей. Вполне возможно, что какая-то сволочь решила отомстить... За что?

– Послушайте! А что если мы и впрямь где-то согрешили? Помните «Десять негрятят» Агаты Кристи? Их пригласили погостить на какой-то остров, ну а там...

– Кузьма, ты думаешь, что нас решили умертвить? Нет, что-то не похоже.

– Так ведь откармливают, как на убой.

– Ну и что будет дальше? Допустим, признаемся в грехах...

– Что тут гадать? Пустят газ или отраву нам подсунут.

– Или уморят голодом, что гораздо проще.

– И мучительнее!

– Господи! Но что же делать?! – мысленно словно бы заламывая руки, вскричал Кузьма.

– Нужно доказать, что мы ни в чём не виноваты. Я, например, на Болотной и на Сахарова не бывал, протестных писем не подписывал, всегда голосовал... в общем, голосовал, как надо.

– Ну вот и я... – Антона поддержал Кузьма. – Поэтому совершенно не понятно...

– Вот если бы попали на Лубянку... – произнося эту фразу, Егор смущённо опустил глаза, поскольку не был уверен, что правильно поймут.

– А там что?

– Там сразу предложат дать согласие на сотрудничество с ФСБ. И на этом наши страдания закончатся.

– Стать стукачом? Да лучше здесь подохнуть!

Перспектива стать доносчиком никого не увлекала. Однако, если ситуация безвыходная...

– А знаете, это мысль! – воскликнул Веня. – Если согласимся поработать на них, кто бы они ни были, тогда какой смысл держать нас здесь? А выйдем на свободу... В общем, там будет видно. Главное, выбраться отсюда!

– Допустим. Но как мы передадим своё послание?

– Можно оставить его на кухне.

– Так нет ни бумаги, ни ручки, даже огрызка карандаша тут не найдёшь.

– Напишем на дверце холодильника. Кухню они должны как-то контролировать, чтобы при доставке продуктов никого там не застать.

– И чем напишем? Кровью?

– Кетчуп подойдёт.

– Ну что ж, осталось придумать текст послания.

– Нет ничего проще! «Согласны на сотрудничество!»

На том и порешили. Только Влад выразил сомнение:

– Это напоминает мне спасение утопающего за его же деньги, причём с солидной предоплатой. И самое неприятное, что гарантий нам никто не даст.

Ночью все плохо спали, прислушиваясь к тому, что творится за стеной, на кухне. А утром началось что-то совершенно непотребное...

Сначала раздался голос Влада:

– Эй, кто взял мою зубную щётку?

– У тебя какого цвета? – поинтересовался Веня.

– Голубая.

– Не видел.

– А ты, Антон?

– Я вот полотенце не могу найти... Признайтесь, кто потырил?

– А у меня пропал халат, – вскричал наконец-то пробудившийся Кузьма. – И что теперь? Ходить весь день в negligé, как на нудистском пляже?

– Накинь простыню, а мы потом поищем.

Завернутый в простыню, Кузьма выглядел жалким и потерянным. Веня попытался успокоить:

– Тебе это идёт. Ну, прям, египетский жрец! – но, присмотревшись, уточнил: – Нет, на жреца не тянешь. Тогда апостол Пётр...

– Только золочёного нимба не хватает, – усмехнулся Влад.

– Вам лишь бы пошутить, а я в этом жреческом одеянии замёрзну.

И вдруг раздался крик Антона, дежурного по кухне:

– Господа! У нас чайник спёрли!

Только теперь все поняли, что ситуация куда серьёзнее, чем можно было бы предположить. Тут явно не до шуток! Веня первым догадался, что всему виной послание, написанное кетчупом на дверце холодильника:

– Но почему такая странная, неадекватная реакция? Допустим, кетчупа им стало жалко... Так мы же готовы их расходы возместить, когда всё это закончится. И даже претензий предъявлять не будем. Согласны?

Возражений не последовало. Даже опасение, что завтракать придётся всухомятку, вскоре улетучилось само собой, поскольку Антон для кипячения воды приспособил какую-то кастрюлю. Возможно, именно этот факт, то есть использование кастрюль не по назначению, побудил Кузьму в гневной форме высказать своё недовольство тем, что произошло:

– Да они просто издеваются над нами!

Более разумную догадку высказал Егор:

– Судя по всему, они надеются нас подтолкнуть к какому-то решению.

– Тут как ни толкайся, всё попусту. Ну чего они от нас хотят?

В самом деле, пропажу чайника, зубной щётки и халата невозможно воспринять как ответное послание. Все эти предметы находились в разных помещениях, были никак не связаны между собой, выполнены из разных материалов. Чисто теоретически моль могла сожрать халат, но куда подевался чайник? Это несоответствие исходных обстоятельств и достигнутого результата стало основанием для умозаключения, которое озвучил Макс:

– А я уверен, что воровством занимается один из нас.

– Это с какой же стати? – возразил Антон.

– Патологическая склонность к воровству. Про kleптоманию, небось, слышали?

Пришла пора Егору доказать свою профессиональную пригодность.

– Ну что ж, для начала я хотел бы получить ответ на такой вопрос: кто выходил этой ночью в туалет?

– Да, пожалуй, все. Веня и Влад наверняка даже по несколько раз. Это вполне естественно для пожилого возраста.

– Могу подтвердить, что ещё два часа назад чайник был на месте, – заявил Веня и, слегка смущаясь, пояснил: – Меня

по ночам обычно жажда мучает, вот и зашёл на кухню, чтобы попить водички. Я, видите ли, пью только кипячёную.

– А кто утром раньше всех проснулся? – продолжал дознание Егор.

Тут сразу и не скажешь. Посматривая друг на друга, стали припоминать, кто где кого узрел, как только выбрался из своей постели...

– Антон! Это же ты всех разбудил, когда заорал «украли чайник!»

Эту догадку высказал Кузьма, но Егор его поправил:

– Да нет, первым проснулся Влад. Я ещё лежал в постели, а он уже собирался чистить зубы.

Влад только пожал плечами и посмотрел на Веню:

# Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.